

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

А. А. Германович

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СЮНЬ-ЦЗЫ

УДК 19091(510)

ББК 87.3(5 Кит)3-206

Влияние конфуцианства на духовную, философскую культуру и педагогическую практику Китая, Кореи, Японии и Вьетнама сложно переоценить. Особый интерес представляет учение Сюнь-цзы в связи с тем, что оно сумело аккумулировать и систематизировать некий корпус уже существующих достижений и знаний не только классического конфуцианства, но и лучшие идеи — современных и предшествующих философов — школ и направлений философской и общественной мысли Китая. Более того, существует необходимость уточнить современные концепции всемирного историко-педагогического процесса, более адекватно вписав в него конфуцианскую педагогическую традицию и тем самым лучше представив логику, направленность и перспективы его эволюции.

Ключевые слова: конфуцианская педагогика; педагогика Конфуция; гуманитарная педагогика; Сюнь-цзы; педагогика Сюнь-цзы; историко-педагогическое учение; философия образования.

A. A. Germanovich

PEDAGOGICAL HERITAGE OF XUN TZU

It is hard to overestimate the impact of Confucianism on the spiritual, philosophical culture and pedagogical tradition and practice of China, Korea, Japan and Vietnam. The teaching of Xun-tzu is of a great interest due to the fact that it accumulated and systematizes the whole scope of already existing achievements and ideas not only of classical Confucianism, but also the best ideas of current schools and philosophical and social concepts of China precedent to

Xun-tzu. Moreover, there is a need to clarify the modern concepts of the historical and pedagogical process, by appropriately contextualizing it into it the Confucian pedagogical tradition and thereby better presenting the logic, direction and prospects for its evolution.

Key words: Confucian pedagogy; pedagogy of Confucius; humane pedagogy; Xun-tzu; pedagogy of Xun-tzu historical and pedagogical teaching; philosophy of education.

Имя Сюнь-цзы занимает выдающееся место в истории китайской философской, общественно-политической и педагогической мысли Китая. Его учение завершает ранний (классический) этап развития конфуцианской мысли (V в. до н.э. — III в. до н.э.). Одновременно с этим стоит отметить, что влияние конфуцианства на духовную, философскую культуру и педагогическую практику Китая, Кореи, Японии и Вьетнама сложно переоценить. По сути, конфуцианство очертило нравственные и духовные рамки развития целого региона на протяжении нескольких тысячелетий. Особый интерес учение Сюнь-цзы представляет в связи с тем, что оно сумело аккумулировать и систематизировать уже существующий некий корпус достижений и знаний не только классического конфуцианства, но и лучшие идеи современных и предшествующих философов школ и направлений философской и общественной мысли Китая. Сюнь-цзы выступает как сознательный критик и синтезатор философских идей предшествующих и современных ему школ древнекитайской философии, прежде всего, противоборствующих — конфуцианства (с его акцентом на добродетели и самосовершенствовании личности) и легизма

(с верой в основную ограничивающую функцию законов и ритуала). В основе трактата Сюнь-цзы лежит мысль, что истина — это всесторонность «Пути» («Дао»), а различные школы имеют односторонние взгляды на одни и те же явления. Поэтому нужен общий «Путь», соединяющий все хорошее из разных подходов. Важно также отметить, что трактат Сюнь-цзы — это первая авторская философская система взглядов Древнего Китая.

Сюнь-цзы, с одной стороны, критикует всех своих предшественников, представителей других школ — Мо-цзы, Хуэй Ши, Шэнь Дао (легиста), Чжуан-цзы, и даже других конфуцианцев, например, Мэн-цзы. С другой стороны, Сюнь-цзы многое берет и у других течений и школ. Поэтому, по мнению крупнейшего отечественного востоковеда В. Ф. Феокистова, Сюнь-цзы — это своеобразный «китайский Аристотель», который попытался дать критику и, с другой стороны, включить в свою систему идеи других древнекитайских философских школ¹.

Основной текст мыслителя, анализу которого посвящена данная работа Сюнь-цзы 荀子 «[Трактат] Учителя Сюня». Он состоит из 32 глав, 23 из которых написаны самим Сюнь-цзы,

¹ Цит. по Рыков С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М., 2012. С. 149.

3 — его учениками при жизни, и 6 глав — учениками, скорее всего, после его смерти. Интересно, что в отличие от текстов Лунь юй и Мэн-цзы, которые представляют собой беседы учителя с учениками или представителей власти с учителем, трактат Сюнь-цзы написан в виде свода теоретических текстов вокруг какой-либо определенной темы¹. Для изучения педагогических воззрений мыслителя особый интерес представляют главы «Наставления к учебе», «Самоусовершенствование», «Не пренебрегать ритуалом», «О ритуале» и «О злой природе человека». Безусловно, другие труды автора также интересны в той степени, в которой они дополняют и иллюстрируют его педагогические идеи.

В российском востоковедении изучением наследия Сунь-цзы, прежде всего, занимался В. Ф. Феоктистов, который не только перевел на русский язык большую часть работ философа, но также во многом обогатил философское понимание и интерпретацию основных категорий философского знания древнекитайской философии. Его работы способствовали более глубокому пониманию национальных особенностей философской мысли Китая, в которой понятийно-категориальный

аппарат не имеет аналогов в западной философской культуре. В ходе своей научной карьеры В. Ф. Феоктистов опубликовал множество работ по творческому наследию Сюнь-цзы, и в итоге в 2005 г. вышла его крупная монография, посвященная древнекитайскому философу «Философские трактаты Сюнь-цзы»².

Также для понимания различных категорий древнекитайской философии можно обратиться к курсу лекций по древнекитайской философии С. Ю. Рыкова³, которые помогают вписать философские взгляды Сунь-цзы в контекст эпохи и сравнить их с другими школами и течениями конфуцианства. Более того, обращение к данной работе позволяет проследить эволюцию философских и, как следствие, педагогических воззрений классического конфуцианства.

В отечественном востоковедении обращали внимание на наследие Сюнь-цзы следующие авторы: А. А. Петров в «Очерке философии Китая»⁴, Ян Хиншун в статье «Из истории китайской философии»⁵, Ф. С. Быков в работе «Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае»⁶, Л. С. Переломов⁷ и Л. С. Васильев⁸ и др.

¹ Там же. С. 149.

² Феоктистов В. Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. М., 2005.

³ Рыков С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М., 2012.

⁴ Петров А. А. Очерк философии Китая. Китай. М. Л., 1940.

⁵ Ян Хиншун. Из истории китайской философии. М., 1956.

⁶ Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1965.

⁷ Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

⁸ Васильев Л. С. Культы, религии и традиции в Китае. М., 1970.

Однако стоит отметить, что в вышеперечисленных работах в основном уделяется внимание общественно-политическим, экономическим, философским и этическим взглядам автора. И в российской литературе практически полностью отсутствует интерес к педагогическим идеям Сюнь-цзы, хотя конфуцианство во многом построено на идеях воспитания идеальной личности «благородного мужа», и обучения (самообучения) длиною в жизнь. Поэтому видится необходимость изучения педагогических взглядов Сюнь-цзы и определении их роли в конфуцианской педагогической традиции.

Как писалось выше, Сюнь-цзы, с одной стороны, критикует всех своих предшественников, представителей других школ — Мо-цзы, Хуэй Ши, Шэнь Дао (легиста), Чжуан-цзы, и даже других конфуцианцев, например, Мэн-цзы. С другой стороны, Сюнь-цзы многое заимствует у других течений и школ. Так, в его трактатах можно найти заимствованную из моизма теорию первоначального состояния человечества, принципы «почитания достойных», «умеренности в расходах» и некоторые другие, а также конкретное наполнение теории «исправления имен». Из даосизма и янгизма он заимствует элементы даосской психологии, представления о «Небе». И особенно он интересуется идеями легизма, например, идеей применения «законов», «наград и наказаний» и др.¹

В связи с подобным заимствованием и соединением различных идей в доктрине Сюнь-цзы, некоторые исследователи называли его сочувствующим легизму эклектиком (А. Масперо, Х. Г. Крил, Ч. Фицджералд, Го Мо-жо, Ф. С. Быков и др.). Другие же ученые относили его к представителям классического раннего конфуцианства (А. Форке, Г. Даббс, Е. Ценкер, Фэн Ю-лань, В. Ф. Феоктистов). При этом не стоит забывать, что сам Сюнь-цзы писал, что «Путь» Конфуция является самым верным, и сам себя причислял к подлинным конфуцианцам².

В связи с заимствованиями Сюнь-цзы философских идей других мыслителей и течений возникает вопрос, насколько Сюнь-цзы — конфуцианец? На самом деле, Сюнь-цзы конфуцианец в главном. Он пишет, что «Путь» древних — правильный «путь», и никакие изменения во времени не меняют древних устоев. В этом отношении Сюнь-цзы остается полностью верен духу конфуцианства и противопоставляет свое учение легизму, которое обращало свой взор, прежде всего, на настоящее.

Как уже говорилось, система взглядов Сюнь-цзы, безусловно, занимает особое место в развитии философской, общественно-политической и педагогической мысли Китая. Соединив в себе достижения конфуцианства и отдельные идеи легизма, Сюнь-цзы создал во многом оригинальное и адекватное времени учение,

¹ Рыков С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М., 2012. С. 149–162.

² Там же.

отличающееся прагматичностью своей интерпретации идеальной личности и способов достижения этого идеала.

В чем же заключается характер и особенности педагогических воззрений Сюнь-цзы?

В первую очередь, необходимо рассмотреть конфуцианский идеал личности «цзюнь цзы» или «благородного мужа», который также одновременно является основным идеалом и целью обучения в классическом конфуцианстве в понимании Сюнь-цзы. Подобно Конфуцию и Мэн-цзы, в трактатах Сюнь-цзы «благородный муж» практически всегда встречается как антипод «сяо-жень» (низкий человек, человек лишенный добродетели). И неудивительно, ведь образ «сяо-жень», как воплощение всего низкого и отвратительного в человеке, несет не меньшую воспитательную функцию, чем подробное описание идеала. Не случайно, в учениях трех конфуцианских философов все время упоминается эта категория, параллельно с «цзюнь цзы». Базовая интерпретация концепции «благородного мужа» Сюнь цзы во многом схожа с классической интерпретацией Конфуция и Мэн-цзы. Согласно Сюнь-цзы, «благородный муж» или, в переводе В. Ф. Феоктистова, «совершенный человек» олицетворяет совершенную с точки зрения конфуцианской этики личность, которая обладает определенным набором добродетелей: «жень» (гуманность); «дэ» (добродетель, благоразумие, нравственность); «и»

(чувство долга, правильное поведение); «ли» (соблюдение этикета, церемониала); «чжи» («истинное знание, мудрость»); «и» (справедливость), (скромность); «сяо» (почти-тельность к старшим); «ти» (почти-тельность к старшему брату); «жень» (человеколюбие); «синь» (искренность, умение доверять, правдивость); «юн» (храбрость, мужество); «чжун» (преданность престолу, лояльность), (осторожность), (умение сдерживать свои желания), (отвращение к клеветникам)¹. Однако при более подробном сравнении учения Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы становится заметным гораздо меньший акцент последнего автора на некоторых из основополагающих конфуцианских добродетелях «у-чан» (или пяти постоянных добродетелях): «жень» и «и», (гуманность и справедливость). На фоне детальной разработки других категорий «ли» и «чжи» (выполнение церемоний и разумность), которые также являются главными добродетелями благородного мужа. Одной из возможных причин некоего невнимания Сюнь-цзы к категориям «жэнь» и «и» может быть его полное согласие относительно их смыслового наполнения с великими учителями прошлого и нежелание повторять уже написанное ранее. А выделение «ли» и «чжи» в угол своего учения может быть характеризует желание автора донести до читателей свои наиболее новаторские и ценные идеи. Однако может быть и иная причина. Возможно, Сюнь-цзы

¹ Переломов Л. С. Конфуций Лунь юй. М., 2000. С. 146.; Боревская Н. Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002. С. 20.

выше прочего ценил ритуал как необходимый воспитательный инструмент постоянного самосовершенствования, с одной стороны, и умение правильно выполнять его, как необходимую добродетель, имманентно присущую «цзюнь цзы».

Другой важной спецификой педагогических взглядов Сюнь-цзы было особое внимание к ритуалу и законам как к важным инструментам воспитания личности. Как пишет В. Ф. Феоктистов, «воспитание человека в духе соблюдения норм ритуала и чувства долга» было средством, позволяющим преодолеть врожденные «злые» качества человека:

«Человек по своей природе зол, его добродетельность порождается (практической) деятельностью... Необходимо воздействие на человека с помощью воспитания и закона, нужно заставить его соблюдать нормы ритуала и выполнять свой долг, тогда у человека появится уступчивость и он станет культурным, что приведет к порядку... также как тупой кусок металла нуждается в ковке и точке и только после этого он сможет стать острым, так и человек, который по своей природе зол, нуждается в воспитании и законах и только после этого сможет встать на правильный путь; на него необходимо воздействие норм ритуала и чувства долга, только тогда он сможет соблюдать законы» (Сюнь-цзы. «О злой природе человека»)¹.

У Конфуция же под ритуалом в основном понимались этические нормы отношений между людьми как в семье, так и в государстве, выраженные в строгом разграничении положения старших и младших, мужчин и женщин, знатных и незнатных по происхождению. И все эти отношения были изложены в книге «И ли» (Церемонии и обряды). Ритуал у Конфуция был необходимым воспитательным инструментом самосовершенствования и обеспечения порядка в стране². Однако Конфуций подчеркивал внутреннее содержание соблюдения ритуала: необходимость обладать, прежде всего, человеколюбием и чувством долга, а потом уже можно соблюдать ритуал:

«...Если человек не обладает человеколюбием, — к чему тогда говорить о ритуале и музыке?» (Лунь юй. 4, 44)³.

У Сюнь-цзы же учение о ритуале в гораздо большей степени выделяет всеобщий характер применения ритуала в качестве воспитательного инструмента, начиная от индивида на пути своего самосовершенствования, заканчивая принципами политической и социальной организации общества. При этом у Сюнь-цзы методы воспитания и педагогические подходы также отличаются в зависимости от целей и объекта воспитания. Так же, как и Конфуций, он полагал, что воспитание различных категорий «благород-

¹ Цит. по Феоктистов В. Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. М., 2005. С. 305–306.

² Там же. С. 153–154.

³ Цит. по Феоктистов В. Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. М., 2005. С. 154.

ных мужей» «цзюнь цзы» и «малых людей» «сяо жень» принципиально отличается, как и их имманентные свойства природы «син» и врожденные знания «чжи» неодинаковы. Если Конфуций считал, что природу человека можно лишь улучшить, а не принципиально изменить, то Сюнь-цзы пошел дальше, и насилие над природой человека он не только не исключает, а приветствует как единственный способ «выправления» врожденных свойств. Сюнь-цзы очень высоко ставит возможности воспитания, веря в то, что все хорошее в человеке — это результат воспитания, а изначальная природа человека зла¹

В принципе, признавая возможность любого человека, независимо от социального положения, достичь идеала, Сюнь-цзы вводит понятия «кэ» и «нэн» — «возможностью» стать совершенномудрым, которой обладают все, и «способностью» стать им, которая зависит от «выбора» человека. В данном вопросе он придерживается классической конфуцианской педагогической традиции — активное участие обучающегося в ходе создания и приобретения нового знания и нового себя. Сюнь цзы, подобно Конфуцию и Мэн-цзы, выделяет необходимость волевых усилий и сознательности субъекта обучения. В данном смысле именно сознательность ученика открывала широчай-

шие возможности воспитательного воздействия на природу человека. То есть для того, чтобы «исправить свою злую природу», необходимо применение ритуала чувства долга, с одной стороны, и субъективное желание перевоспитываться — с другой.

Однако вышеперечисленные рекомендации к воспитанию идеальной личности касаются, прежде всего, того, кто «готов» стать совершенномудрым, у кого есть к этому не только «возможность», но и «способности». А стремится к самосовершенствованию лишь «благородный муж». А что же делать с простым народом, который не желает заниматься самосовершенствованием и не выполняет должным образом ритуалов? В данном контексте проявляется ограниченность воспитательного механизма одного только ритуала. Чем же должен быть дополнен «ритуал» по Сюнь-цзы? Он должен быть дополнен «фа» (законом). Данную идею Сюнь-цзы, безусловно, позаимствовал из учения легистов²:

«... [Положение] людей от ученого и выше нужно регулировать с помощью ритуала и музыки; [если же говорить о] простых людях, народе, то управлять им нужно с помощью законов...» (Сюнь-цзы. «Обогащение государства»)³.

Таким образом, согласно Сюнь-цзы, образованные и знатные люди

¹ Цит. по Боровская Н. Е. Философские основы воспитания человека. Китайская культура во времени и пространстве // Институт Дальнего Востока. РАН. МИД Форум. М., 2010. С. 50.

² Рыков С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М., 2012. С. 149–162.

³ Феоктистов В. Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. М., 2005. С. 236–237.

должны воздействовать на свою злую природу сознательно, прибегая к «ритуалу» и «чувству долга», а необразованных следует «учить с помощью законов». В данном смысле также проявляется различный характер воспитательных механизмов в зависимости от объекта обучения: перенос акцента на ученика и его самостоятельное усилие при воспитании ученых и вышестоящих слоев населения, и более принудительный характер воспитания простых людей.

Обращаясь к сущности процесса обучения в понимании Сюнь-цзы, также заметны небольшие отличия от его предшественников. По Конфуцию, обучение — это не просто некий процесс передачи знаний из поколения в поколения, от индивида к индивиду. Обучение — это, скорее, указание обучающимся некоего пути самосовершенствования. Более того, это указание больше похоже на вдохновение, которое дарит учитель своим ученикам в виде подсказок для того, чтобы они вступили на нужный путь познания и достижения идеала. Для Сюнь-цзы обучение не должно прекращаться, человек должен учиться на протяжении всей жизни: «...Серьезно накапливать знания, быть упорным и долго (учиться) — только так можно стать образованным человеком! Учиться надо всю жизнь, до последнего дыхания!» (Сюнь-цзы. «Наставления к учебе»)¹.

Важным инструментом обучения являются личные встречи с учителем,

при этом автором неоднократно подчеркивается необходимость подражания мудрому учителю и совершенно-мудрым людям. Конечно, Сюнь-цзы говорил, подобно предшественникам, о необходимости заучивания канонов конфуцианства («Ши цзин», «Шу цзин», «Юэ цзин») и чтении обрядовых книг («Ши ли», «И ли», «Чжоу ли»), но признавал также необходимость понимания современности, в чем механическое заучивание классических книг не могло помочь: «В учении нет более удобного способа, чем личные встречи с учителем, поскольку в обрядовых книгах и «Юэ цзин» содержатся лишь основные, общие законы и ничего не говорится конкретно, в «Ши цзин» и «Шу цзин» приводятся лишь сведения о прошлых делах и нет ничего, что относилось бы к действительности данного времени... Если же подражать мудрому учителю и учиться тому, что говорят совершенные люди, сможешь возвыситься и постичь смысл всех современных дел... Нет более простого пути в овладении знаниями, чем (искренняя) любовь к мудрому учителю... Соблюдение норм высокого ритуала стоит на втором месте...»².

Таким образом, Сюнь-цзы признает необходимость не только получения книжного знания, а также необходимость адекватного применения знания на практике, в чем может помочь учитель или совершенномудрый образец. В этом проявляется деятельностный характер конфуцианского знания. В

¹ Феоктистов В. Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. М., 2005. С. 196.

² Там же. С. 196.

этой связи роль учителя или наставника в учении Сюнь-цзы во многом более значительна, чем у Конфуция. Ведь учитель Конфуция дарит своим ученикам вдохновение в виде подсказок для того, чтобы они вступили на нужный путь познания и достижения идеала. Он не задает вопросы, а отвечает на поставленные.

В современном мире на фоне развивающихся процессов глобализации усиливается тенденция самоопределения и диалога различных культур и цивилизаций, религий и идеологий, традиций и учений, по-разному ставящих и решающих самые фундаментальные проблемы человеческого бытия. К их числу относятся вопросы, которые связаны с пониманием идеалов и механизмов образования, воспитания, обучения подрастающих поколений, поиском целей, путей и средств педагогической деятельности.

Одной из самых мощных и влиятельных традиций в истории человеческого общества, продолжающей интенсивно развиваться и сегодня, является педагогическая традиция конфуцианства. Конфуцианство — это не только оригинальное религиозно-философско-этико-политическое учение, это также самобытное педагогическое учение, вот уже на протяжении двух с половиной тысячелетий оказывающее огромное влияние на теорию и практику воспитания и обучения народов культурно-политического ареала Дальневосточной цивилизации. Как отмечалось ранее, Сюнь-цзы выступает как критик и синтезатор философских предшествующих и современных ему эпох, а его трактат

— это, по всей строгости, первая авторская философская система взглядов древнекитайской философии. Таким образом, на примере трактата Сюнь-цзы философия в древнем Китае добралась до верха своей теоретичности.

Актуальность обращения к истории становления педагогики конфуцианства в эпоху раннего конфуцианства, и непосредственно к Сюнь-цзы, когда конфуцианская культурная традиция достигла некоей новой ступени, связана с необходимостью уточнить современные концепции всемирного историко-педагогического процесса, более адекватно вписав в него конфуцианскую педагогическую традицию и тем самым лучше представить логику, направленность и перспективы его эволюции. Более того, существует потребность системно рассмотреть тот идейный фундамент, который лег в основу конфуцианской педагогики и во многом определил все ее последующее развитие, а также ее роль и место в истории и современном положении успешно развивающихся сегодня стран конфуцианского ареала.

И, наконец, включение конфуцианской культурно-педагогической традиции в диалог российской и западной культурно-педагогических традиций может создать дополнительные условия для более глубокого понимания характера и особенностей различных педагогических традиций и для перспектив их взаимообогащения.

Имя Сюнь-цзы занимает выдающееся место в истории китайской философской, общественно-политической и педагогической мысли Китая. Его учение завершает ранний, класси-

ческий этап развития конфуцианской мысли, а его трактат — первая авторская философская система взглядов древнекитайской философии.

Соединив в себе достижения конфуцианства и отдельные идеи легизма, Сюнь-цзы создал во многом оригинальное и адекватное времени учение, педагогические воззрения которого можно охарактеризовать следующим образом:

— Во-первых, учение Сюнь-цзы заимствовало идеи других философских школ древнего Китая и, прежде всего, идею применения законов для регулирования общественных отношений из легизма. Однако по своему понятийному аппарату и духу оно по-прежнему оставалось глубоко конфуцианским с его поисками идеала в древности, идеями самосовершенствования, применения ритуала, музыки и др.

— Во-вторых, учение Сюнь-цзы о «злой природе» человека (в котором он полемизирует с Мэн-цзы) — это величайшее достижение философа, которое обогатило древнекитайскую философскую мысль.

— В-третьих, важной спецификой педагогических взглядов Сюнь-цзы было особое внимание к ритуалу и законам как к важным инструментам воспитания личности. У Сюнь-цзы

учение о ритуале в гораздо большей степени, чем у Конфуция и Мэн-цзы, выделяет всеобщий характер применения ритуала в качестве воспитательного инструмента «исправления злой природы» человека. Но воспитательные методы исправления природы человека неодинаковы: образованные и знатные люди должны воздействовать на свою злую природу сознательно, прибегая к «ритуалу» и «чувству долга», а необразованных следует «учить с помощью законов».

— В четвертых, Сюнь-цзы очень высоко ставит возможности воспитания, веря в то, что все хорошее в человеке — это результат воспитания, а изначальная природа человека зла. И он верит, что природу человека можно полностью исправить с помощью воспитания, в итоге достигнув совершенства.

И, наконец, Сюнь-цзы признает необходимость не только получения книжного знания, а также необходимость адекватного применения теоретического знания на практике, в чем может помочь учитель или совершенномудрый образец. В этом проявляется деятельностный характер конфуцианского знания. В этой связи роль учителя или наставника в учении Сюнь-цзы во многом более значительна, чем у Конфуция.

Список литературы

1. Астафьева, Е. Н. Восхождение к истории педагогики / Е. Н. Астафьева // *Academia: Педагогический журнал Подмосковья*. — 2015. — № 2. — С. 57–63.
2. Астафьева, Е. Н. Историко-педагогический контекст теории и практики современного образования / Е. Н. Астафьева // *Academia. Педагогический журнал Подмосковья*. — 2016. — № 4. — С. 56–68.
3. Астафьева, Е. Н. Познавательный и образовательный потенциал истории педагогики // Е. Н. Астафьева / *Academia: Педагогический журнал Подмосковья*. — 2016. — № 2. — С. 59–62.
4. Астафьева, Е. Н. Постигая историю педагогики. К итогам Третьего Национального форума российских историков педагогики / Е. Н. Астафьева // *Academia: Педагогический журнал Подмосковья*. — 2015. — № 2. — С. 59–62.
5. Боровская, Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве / Н. Е. Боровская, С. А. Торопцев. — М. : Институт Дальнего Востока. РАН. МИД Форум, 2010. — 483 с.
6. Боровская, Н. Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае / Н. Е. Боровская ; Рос. акад наук, Ин-т Дал. Востока. — М. : Ин-т Дал. Востока, 2002. — 145 с.
7. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М. : Вост. лит., 2006. — Т. 1. — 727 с.
8. Корнетов, Г. Б. История педагогических идей / Г. Б. Корнетов // *Психолого-педагогический поиск*. — 2015. — № 1. — С. 197–203.
9. Корнетов, Г. Б. История педагогики за рубежом с древнейших времен до начала XXI века: монография / Г. Б. Корнетов. — М. : АСОУ, 2013. — 438 с.
10. Корнетов, Г. Б. Исторический и педагогический аспекты истории педагогики / Г. Б. Корнетов // *Известия РАО*. — 2016. — № 2. — С. 108–126.
11. Корнетов, Г. Б. Конфуцианская педагогика Древнего и Средневекового Китая / Г. Б. Корнетов // *Психолого-педагогический поиск*. — 2016. — № 3 (39). — С. 49–57.
12. Корнетов, Г. Б. Педагогические идеи и учения в истории педагогики / Г. Б. Корнетов // *Историко-педагогический журнал*. — 2015. — № 2 — С. 44–68.
13. Корнетов, Г. Б. Три ракурса изучения педагогического наследия прошлого: история педагогики, педагогическая история, историческая педагогика / Г. Б. Корнетов // *Историко-педагогический журнал*. — 2017. — № 1. — С. 38–55.
14. Корнетов, Г. Б. Педагогика как наука и ее предьстория на ранних этапах развития человеческого общества / Г. Б. Корнетов // *Психолого-педагогический поиск*. — 2015. — № 4. — С. 66–75.
15. Корнетов, Г. Б. Педагогика: теория и история: учеб. пособие / Г. Б. Корнетов. — 3-е изд., перераб., доп. — М. : АСОУ, 2016. — 472 с.
16. Корнетов, Г. Б. Предмет и методологические проблемы историко-педагогических исследований / Г. Б. Корнетов // *Известия Российской академии образования*. — 2015. — № 3. — С. 88–102.
17. Корнетов, Г. Б. Понимание педагогики как истории педагогики / Г. Б. Корнетов // *Психолого-педагогический поиск*. — 2013. — № 4 (28). — С. 123–134.
18. Корнетов, Г. Б. Содержание и смысл основного вопроса педагогики / Г. Б. Корнетов // *Известия Российской*

академии образования. — 2016. — № 3. — С. 120—128.

19. Переломов, Л. С. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу») / А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Л. С. Переломов, П. С. Попов при участии В. М. Майорова.; Институт Дальнего Востока. — М. : Вост. лит., 2004. — 431 с. (ред.)

20. Переломов, Л. С. Конфуций. Лунь юй / Л. С. Переломов; перевод с кит.: исследование и комментарии Л. С. Переломова. — 2-е изд. — М. : Вост. лит., 2000. — 592 с.

21. Рыков, С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций / С. Ю. Рыков. — М. : ИФРАН, 2012. — 312 с.

22. Феоктистов, В. Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа / В. Ф. Феоктистов. — М. : Наталис, 2005. — 275 с.

23. Классическое конфуцианство. В 2 томах. Том 2. Мэн-цзы. Сюнь-Цзы // Мартынов А. С. (сост.). Серия: Мировое наследие. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 492 с.